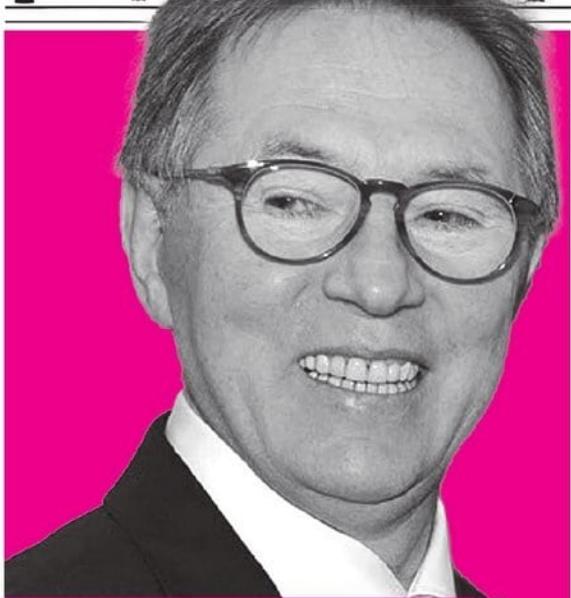

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

ДИКИЙ БАРОН

С ПЕСНЕЙ ПО ЖИЗНИ

стр.10-11

Дэнни Де Вито:
«Я ЗДЕСЬ
И СЕЙЧАС»

Барон Унгерн на допросе в штабе 5-й Красной армии, 1921 год

Роман Фёдорович Унгерн в годы Первой мировой войны

ДИКИЙ БАРОН

Барон Роман Фёдорович Унгерн фон Штернберг – уникальный, а вместе с тем и типический персонаж русской истории начала XX века. Его яркая, авантюрная судьба служит отличным оттиском настроений старого служилого дворянства Российской империи, которое, потеряв в ходе Великих реформ привычное место и роль в государстве, стремилось найти себя в новой жизни.

Геннадий Норд

И КАЖДЫЙ ДЕЛАЛ ЭТО ПО-СВОЕМУ

Сто один год назад, 15 сентября 1921 года, в Новониколаевске (ныне — Новосибирск) по приговору Чрезвычайного трибунала был расстрелян генерал-лейтенант Роман Федорович Унгерн-Штернберг — один из воходей Белого движения в Монголии и Забайкалье.

Барон Унгерн принадлежал к воин-

ственному роду рыцарей и аскетов, мистиков и пиратов, известному со времен Крестовых походов. Семейные легенды уводят его происхождение еще дальше: к началу Великого переселения народов, к эпохе Аттилы и Нивенглов, ставшей героическим мифом. Именно остатцы дали имперской армии в начале XX века целую плеядуталантливых офицеров среднего ранга, стремившихся, вопреки меняющейся жизни, утверждаться в ней так же, как и сотни лет назад — службой государю на полях сражений.

Этот потомок крестоносцев родился в австрийском городе Граце 29 декабря 1885 года. В то время его родители путешествовали по Европе. В Россию он попал лишь двумя годами позднее. Его семья — обрусевшие балтийские немцы жила в Ревеле (ныне — Таллин).

Судьба барона полна парадоксов. Если бы планы генерала, поистине наполеоновские, осуществились, то не исключено, что в Восточной Сибири могла бы до сих пор существовать империя, которую он пытался создать.

Никто тогда и подумать не мог, что этот отпрыск европейского дворянства, взамен нечего пойти по стопам Чингисхана, а в условиях XX века поможет Монголии отстоять независимость от Китая.

Гимназистом Роман из-за «многочисленных школьных проступков» пробыл недолго. Учителя постоянно жаловались родителям на неусидчивость, небрежность и импульсивность его характера.

В 1896 г. мать отдала его в Морской кадетский корпус в Санкт-Петербурге. Но и здесь он продолжал ходить в «штрафники» и еда не была отчислен из-за плохого поведения. За год до выпуска, когда началась война с Японией, Унгерн бежал из Морского корпуса и направился в Маньчжурию к театру военных действий против Японии. Успел он, впрочем, только к окончанию сражений и маневров в Маньчжурии. Но он все же успел получить чин ефрейтора и солдатскую светло-бронзовую медаль, ставшую первой его наградой за боевые отличия

Возможно, уже тогда дикая восточная область, населенная бурятами, монголами, китайцами, русскими раскольниками и казаками, обратила на себя особенное внимание молодого юнкера. Барон Унгерн, как и многие представители русской интеллигенции Серебряного века, был изначально разочарован в современной ему европейской культуре, образе жизни и мыслей. Он инстинктивно предчувствовал страшный социальный взрыв, который должен был сокрушить весь старый порядок вещей. Ярче всего такие настроения людей Серебряного века выразились в знаменитом стихотворении Валерия Борисова «Грядущие гуны»:

Где вы, грядущие гуны,
Что тучей нависли над миром?
Слышишь шаги потопа чужунами.
По еще не открытым Парамирам.
На нас ордой оьянелой
Рухните с темных становий -
Оживить одряхлевшее тело
Волной пылающей крови.

Его автор, как и барон Унгерн, уже не разделял общепринятых ценностей личной гражданской свободы, государственного порядка и спокойствия, гуманизации межгосударственных отношений.

Им казалось, что весь накопившийся клубок противоречий и внутренних сложностей европейского общества, которым они считали и русское, должна радикально, быстро и навсегда разрешить некая принципиально новая, чуждая Европе, «нравственно молодая» сила.

Отсюда приветствие ожидаемого нашествия «новых гуннов».

Такой своеобразный спиритуализм русской интеллигентии начали века наложил громадный отпечаток на взгляды и саму личность барона Унгерна. Его полное разочарование в «Европе» в самом широком смысле понятия стало обоснованием для особенной, наивной и слепой любви к её противоположности — «Азии» в широком смысле этого слова. Ему было свойственно восхищение неустроенным и всё еще «первоизданной» частью Азии, тектоническими потрясениями, которым она подвергала мир в разное время, соединяясь в его взорениях. И глубокая вера в некую «живительность» такого коллективного «доброго диктатора» для «ветхой» Европы, соединённая с наивным патриархальным монахизмом.

После окончания войны он возвратился домой и поступил в элитное Павловское пехотное училище. Несмотря на благоприятные условия для развития капитализма в прибалтийских губерниях, барона Романа Фёдоровича никогда не прельщала мысль финансовой или вообще гражданской карьеры.

В 1908 г. барон стал офицером Забайкальского казачьего войска и снова отправился на Дальний Восток. Там он превратился в выносливого и лихого наездника, отчаянного дуэлянта. По словам людей, зналших Унгерна лично, его отличали необыкновенная настойчивость, жестокость и инстинктивное чутё.

Имя барона быстро обросло легендами о разных эксцентрических его выходках. Так, однажды, заключив пари с товарищами по полку, Унгерн, не зная местности, верхом, без дорог, проводников, провианта и, имея лишь винтовку с патронами, проехал порядка шести сотен верст по тайге от Даурии до Благовещенска и при этом переправился на своем коне вплавь через половодную Зею. В оговоренный срок барон уложился и пари выиграл.

У побережий Монголии и Китая сотня Унгерн, с детства мечтавший о ратных подвигах и славе своих красноносных предков, но при этом давно увлекавшийся Востоком и заявлявший что он — буддист в третьем поколении, пыталась, ещё до начала Великой войны, основать орден Военных буддистов — для борьбы со «злом революции».

В 1913-м амбициозный барон оказался в холмистых степях Западной Монголии, где действовали отряды легендарного разбойника и странствующего монаха, знатока тантрической магии Тибета Джа-ламы, сражавшиеся с войсками китайской республиканской армии за город Кобдо. Но русское начальство запретило ему служить под освященным ритуальной человеческой кровью знамением Джа-ламы, и примерно через полгода Унгерн, так и не стяжав желанной вонской славы, возвратился домой.

Начало Мировой войны оставшийся не у дел барон встретил с таким же восторгом и воодушевлением. Молодой Унгерн, уже в составе казачьего полка, попал на фронт, где был отмечен за храбрость и героизм.

В окопах Первой мировой войны барон Унгерн познакомился с командиром одной из разведывательных сотен Нерчинского полка — есаулом Григорием Семёновым. Два молодых офицера быстро сошлись на почве особенного интереса к азиатскому Востоку и консервативных взглядах.

В отличие от остзейского дворянинна, романика и мистика Унгерна, Григорий Семёнов родился и вырос казаком Забайкальского войска. Для него Маньчжурия и Монголия были ближайшей периферией, в чьих реалиях он прекрасно разбирался с самого детства. Одновременно, Семёнов — практик и реалист до мозга костей, — не испытывал полурелигиозного преклонения перед азиатами, не считал их некоей «новой спасительной силой». Он лишь осознавал перспективы, которые русскому правительству давала постепенная многогранная колонизация диких просторов Монголии и Маньчжурии.

Два однополчанина, две яркие противоположности быстро сдружились и стали верными соратниками на всю оставшуюся жизнь.

Перед расстрелом

На войне барон проявил граничащую с безрассудством отвагу, был ранен пять раз, но всякий раз смерть, оказавшись лицом к лицу с ним, вынуждена была свернуть в сторону. Один из сослужив-

цев барона вспоминал о нем: «Для того, чтобы так драчиться, надо или искать смерти, или точно знать, что ты не умрешь».

На фронте Унгерн с его отвагой и фатализмом получил пять орденов, в том

Атаман Григорий Михайлович Семёнов

числе офицерский Георгиевский крест — за участие в трагическом для русской армии Восточно-прусском походе. А в сентябре 1916 года, чин есаула — за дерзкие вылазки во вражеские тылы. Однако, так и остался командиром казачьей сотни: его начальники, генерал Крымов и полковник Врангель — тот самый — барон Врангель — «повышать» отчаянного барона боялись.

В 1917-м за избиение комендантского адъютанта, не предоставившего Унгерну квартиру, он был отчислен из действующей армии «в резерв чинов». В августе того же года Унгерн примкнул к мятежу Корнилова, а осенью, после его подавления, Семёнов и Унгерн были направлены в уже родное для обоих Забайкалье вербовать солдат в части действующей армии, которая почти год страдала от ужасающего падения дисциплины, полного морального разложения личного состава полков и утраты офицерами привычных функций. Там на железнодорожной станции Даурия их застали известие о перевороте в Петрограде.

Семёнов и Унгерн резко не приняли захват власти большевиками, которых считали главными виновниками анархии и раз渲а армии, вакханалии убийств и грабежей в тылу.

Уже в ноябре 1917 года два казачьих офицера сколотили из пары десятков своих друзей и сослуживцев импровизированную милицию, которая прочёсывала проходящие поезда и вытравляла из солдатской среды революционных пропагандистов, стремясь не допустить мародёрства и насилия на станции. К ним постепенно примыкали офицеры и казаки, возвращавшиеся с фронта через охваченную анархией Россию.

Семёнов и его люди были объявлены первыми мятежниками против советской власти, которая тогда только начала организационно оформляться в европейской части страны.

Свою быстро разраставшуюся группу Семёнов и Унгерн назвали Особым Маньчжурским отрядом, который в конце года был вынужден оставить Даурию и с боями против подошедших частей Красной гвардии отошёл за линию границы в Маньчжурию.

После мятежа Чехословакского корпуса и начала интервенции, сильно увеличившийся отряд вновь вторгся на русскую территорию. Со своим энергичным наступлением он ускорил полное падение советской власти в Восточной Сибири.

Авторитет Семёнова, объявившего себя атаманом Забайкальского войска, взлетел до частых упоминаний во французских и американских газетах, не считая советских. Под его командованием теперь находился полноценный хорошо вооружённый и оснащённый армейский корпус с собственной артиллерией, броневиками, бронепоездами и зепланами.

На освобожденной территории быстро возникла собственная атаманская администрация, которая лишь, в общем, признавала адмирала Колчака в Омске, фактически же власть Верховного правителя оканчивалась на станции Нерчинск.

Вместе с Семёновым фон Унгерн формирует отряды из бурятов и монголов для борьбы с красными. Параллельно барон ведет активную дипломатическую переписку с монархистами России, Монголии, Тибета, Маньчжурии, Китая о создании транссибирской империи.

В воображении человека, который знакомится с биографией барона фон Унгера-Штернберга, может сложиться поистине сюрреалистическая картина: русский дворянин германских кровей, антисемит по убеждениям и садист по натуре, собирает армию из представителей азиатских народов, чтобы восстановить империю в России.

Дикий барон, произведенный Семёновым в генерал-майора, установил в Даурии режим личной власти феодального типа с системой жестоких наказаний и казней для всех, независимо от рода и звания. Эта территория, отгороженная от остального мира барьером северного, почти мистического страха перед её хозяином, стала как бы первой провинцией будущей державы Востока.

Окончание. Начало на с.15

Барон Унгерн стал ближайшим заместителем Семёнова и комендантом той самой Даурии. Под его началом находилась особенно пеструм атаманом Азиатская дивизия, составленная из русских казаков и офицеров, наймников-бурятов, китайцев и маньчжуков. Уже в это время проявился и стал широко известен суровый нрав барона, который справедливо считал одним из причин краха империи падение армейской дисциплины.

Большевистская пресса и даже колчаковские журналисты-либералы называли станцию Даурью «страшным застенком» и тиражировали действительно имевшие место случаи жестоких расправ с советскими агитаторами, партизанами и их укрывателями: прогон через строй, порку до мяса, поливание в сорокаградусный мороз ледяной водой.

Результатом жёстких мер барона и его начальника стало почти полное прекращение партизанского движения и брошившаяся в глаза разница в состояниях Восточной и Центральной Сибири, где правительство Колчака быстро утрачивало контроль над армией и обществом.

В конце 1919 года центр боевых действий сместился к границам семёновского атаманства, адмирал Колчак был арестован и расстрелян в Иркутске. Его разбитые войска стремительно отступали, надеясь прийти в себя в Забайкалье. По пятам за ними шли регулярные части Красной армии, команда Уборевича, которые во много раз превосходили колчаковцев, и силы семёновских казаков.

Атаман, тем не менее, сумел поставить подопечные части Колчака под свою власть и общими усилиями собственных войск и отступивших полков, постоянно переходя в короткие контрапастунции, сковать продвижение Уборевича.

Под эгидой Семёнова и Унгерна в Даурии проходили панмонголистические конференции, было создано правительство «Великой Монголии», которое возглавил Нийсан-гэгэн, «живой бог» одного из ламаистских монастырей. Впрочем, никакой реальной власти это сфантикованное «военными буддистами» «правительство» не имело.

В августе 1919-го, при очередном наезде в Харбин, даурский барон женился на маньчжурской принцессе «династической крови», родственнице свергнутых императоров. Это усилило авторитет Унгерна в глазах азиатов; монгольская аристократия поднесла ему титул «вана» — князя 2-й ступени.

Понимая, что долго противостоять многочисленным регулярным соединениям красных не удастся, Семёнов разработал амбициозный план перехвата инициативы, чтобы коренным образом переломить ситуацию в Сибири.

Именно здесь настал звездный час барона Унгерна.

Его усиленная Азиатская дивизия вместе с колчаковскими полками должна была стремительно вторгнуться в Монголию и, пополнив там свои ряды, атаковать тылы большевистских войск в Сибири — как раз те области, где в 1920 году гремели массовые крестьянские восстания. Разрушив тыл Уборевича, войска Унгерна синхронно с семёновскими казаками должны были взять в клещи противника и уничтожить основную массу красных войск в Сибири.

В конце 1920 года дивизия Унгерна вступила на территорию Монголии. Однако здесь ситуация сразу резко изменилась. С одной стороны, движение барона не поддержали колчаковские части, которые вдрызги рассорились с Семёновым, а самого Унгерна считали сумасшедшим фанатиком. С другой, на территории Монголии чуть ранее Азиатской дивизии вошли войска северокитайских милитаристов, которые оккупировали столицу области — Ургу, взяли в заложники теократического монгольского правителя — Бодо-гэгэна VIII. Сказалися и характер самого барона, который рассматривал поставленную перед ним чисто тактическую задачу в масштабных идеологических красках. Роман Фёдорович считал, что его манёвр должен положить начало великому походу азиатской конницы на Москву, с тем, чтобы восстановить там свергнутую династию Рома-

Григорий Михайлович Семёнов с офицерами американского оккупационного корпуса в Чите

новых и избавить пространство бывшей империи от большевиков.

С осени того же года барон и атаман начали готовить поход на Ургу, столицу Внешней, или Халха-Монголии, правительство которой от участия в панмонгольском движении уклонилось и, хотя и не без нажима со стороны пекинских властей, призвало в страну китайскую оккупационную армию.

Как последователь буддизма барон знал, что нельзя обрести освобождение без гуру. Кто был духовным наставником Унгерна, не известно. Однако свидетельства говорят, что Роман Фёдорович никогда не действовал, не посоветовавшись с окружавшими его ламами. Даже формальные номера приказов команда Азиатской конной дивизии тщательно выверялись нумерологическими расчетами лам. Вряд ли гуру следует искать в окружении фон Унгерна-Штернберга. Подлинный духовный наставник находился, скорее всего, далеко от Унгерна: может быть, в каком-нибудь монгольском монастыре, может быть, вообще в Тибете.

Ламы-консультанты же, по всей вероятности, были представлены к Унгерну его «сенсесем». Именно приказом учитель можно объяснить то, что осенью 1920 года Азиатская конная дивизия Унгерна сорвалась с «насажденного места в Забайкалье и совершила свой знаменитый рейд в Монголию. Известно, что монгольский правитель и первосвященник, «живой Будда» у蒙古们, Бодо-гэгэн VIII, находясь под китайским арестом, тайно пересел барону послание с благословением на освобождение Урги от китайцев.

Отношения между Семёновым и Унгерном в Забайкалье были похожи на отношения между Далай- и Панчен- ламами в Тибете. Первый являлся официальным главой светской власти, второй — хранителем священной доктрины.

Унгерн, конечно, не был авторитетом для ламаистской церкви, хранимая им доктрина была не столько религиозной, сколько политической с приставкой «гэо».

Сущность её — «крестовый поход» против Запада, источника революций, силами «жёлтых», азиатских, народов, не утративших, подобно народам белым, своих вековых устоев, для реставрации свергнутых монархов и утверждения на всем Евразийском континенте «жёлтой» культуры и «жёлтой» веры, буддизма ламаистского толка, призванного, по мнению барона, духовно обновить Старый Свет.

С этой целью Унгерн хотел создать державу, которая объединит кочевников

Востока от берегов Индийского и Тихого океанов до Казани и Астрахани. Её исходным ядром должна была стать Монголия, опорой и «центром тяжести» — Китай, правящей династии — дом Циней, смешанный так называемой Синьхайской революцией 1911-1913-го годов.

Отряд Унгерна материализуется близ Урги, к изумлению засевших в столице Халхи «гаминов» — солдат и офицеров китайской республиканской армии. Помчалось два отчаянных штурма, но силы были слишком неравными: скудно экипированной дивизии унгерновцев, насчитывавшей менее 1000 всадников при 4-х орудиях и десятке пулемётов, противостоял 12-тысячный, хорошо вооруженный и снаряженный экспедиционный корпус с мобильной артиллерией и огромными запасами всего, что необходимо для военной кампании: от патронов до продовольствия. Кроме того, под ружьё было поставлено из трех тысяч ополченцев из числа китайских колонистов, живших в Урге. Понеся существенные потери, Унгерн отошел в восточную часть Монголии, туда, где уж весной 1920 г. развернулась партизанская борьба с китайскими оккупантами и где располагалось историческое ядро империи Чингисхана.

Под его знамена стекались русские, буряты, монголы — князья со своими воинами и простыми скотоводы-араты, буддистские священники и монахи. Даже владыка Тибета — Далай-Лама XIII, объявивший барона борцом за веру приспал ему группу своих гвардейцев. Монголы, окружавшие Унгерна почётом и поклонением, называли его Цаган-Бурханом, «Богом Войны», считали воплощением Махакала — идама, ламаистского божества о шести руках, жестоко карающего врагов «желтой веры».

Пополнив свои полки, демонический барон вернулся к Урге и начал её осаду, несмотря на почти десятикратное превосходство китайцев в живой силе и неисчислимый перевес в оснащённости тяжёлым оружием, другими средствами ведения современных войн.

Казалось бы, при таких условиях об успехе нельзя и думать, однако хорошее знание противника спасло барона и его войско. Воспользовавшись ошибками неприятеля, Унгерн провёл образцовую кампанию психологической войны по-азиатски и за какие-нибудь два месяца сумел его деморализовать. Главной из ошибок китайцев было заключение под стражу Бодо-гэгэна. Китайские солдаты восприняли его как кощунство и ждали за это кары сверхъестественных сил.

Каждую ночь они смотрели на гигантские костры, разжигаемые казаками Унгерна на вершине священной горы Богдо-ула, находившейся к югу от монгольской столицы, полагая, что там приносятся жертвы могущественным духам, которые накажут обидчиков «ургинского Будды». Ламы и лазутчики из лагеря барона распространяли по городу выгодные для него слухи.

Сильным ударом по боевому духу «гаминов» стал визит в Ургу самого Унгерна. В один из солнечных зимних дней он появился посреди осажденной, оцепинившейся штыками, пулемётами и орудийными дуалами столицы у дома китайского губернатора Чен И. Приказав одному из слуг держать за повод коня, барон обошёл двор, тщательно его осмотрел, подтянул подпруги и выехал за ворота.

Заметив спавшего на посту у тюрьмы китайского часового, он угостил его ударами своего таштура — камышовой трости, — растоптали разбуженному солдату, что спать на карауле нельзя и неспеши выехал из города в сторону Богдо-ула. Никакой погони «гамины» организовать не успели. Визит барона посчитали знамением, чудом, также как и похищение — опять среди бела дня, на виду у всего города, унгерновскими агентами, бурятами и тибетцами, следившими Богдо-Гэгэна прямо из под носа целого батальона китайской стражи. После этого один из генералов противника, Го Сунлин, бежал из осажденной Урги, уведя с собой наибольшую боеспособную часть гарнизона — трехтысячный отборный кавалерийский корпус.

На рассвете 2 февраля 1921 года Унгерн пошёл на штурм. Китайцы сопротивлялись яростно — так, как могут сопротивляться лишь обреченные, но нападавшие имели успех повсюду. На следующий день «гамины» обратились в плавильное бестство. «Дикому барону» достались фантастические трофеи, в том числе — огромное количество золота и серебра из кладовых двух расположившихся в Урге банков.

Урга это — будущая столица Монголии — Улан-Батор.

Дивизия Унгерна освобождает из китайского плена и возвращается на трон монарха Монголии — Богдо-гэгэна Сысомого. От него барон получил титулы цин-вана, князя 1-го ранга, и наивысший, ханский, со званием «Возродивший государство великий батар, командующий», а также право носить монгольский халат-курум священного жёлтого цвета. О бароне начали слагать легенды.

Любимое восточное одеяние русского генерала хранится в одном из исторических музеев Монголии.

Коронация Бодго-Гэзгэна — яркое, исполненное восточного колорита действие, ставшее триумфом Унгерна и Конной Азиатской дивизии. «Бог войны» фактически стал военным диктатором большей части Халхы-Монголии.

В 1921 году стало ясно, что белое дело проиграно. Унгерн задумал интервенцию в Советскую Россию в надежде на то, что противники большевизма перейдут на его сторону и помогут ему основать новую империю Романовых от Каспия до Тихого океана.

Однако война с китайцами была ещё не окончена. Масса республиканских войск и беженцев-колонистов докатилась до монголо-русской границы и вернулась к Урге. На стороне китайцев был численный перевес и четкое понимание того, что лишь победа спасёт их от гибели в голодных зимних пустынях.

Тем не менее, в ожесточенном сражении под Чойри-Сумэ и нескольких боях меньшего масштаба войска барона разгромили «гаминов» наголову. Бежать удалось немногим, оккупационная китайская армия перестала существовать.

Унгерн опять получил большую военную добчу — винтовки, патроны, артиллерию, несколько тысяч пленных.

После этого в Пекине начали всерьёз опасатьсяся, что барон двинется на штурм китайской столицы: до неё от рубежей Халхи, где остановился Унгерн со своими опьянившими победами всадниками, оставалось порядка 600 вёрст — несколько дневных переходов. Однако вместе этого в начале апреля барон вернулся в Ургу и приступил к подготовке своего последнего похода — в Советскую Россию, к Байкалу.

Войска Унгерна, составлявшие, по разным оценкам, от четырех-пяти до десяти тысяч семисот пятидесяти сабель и щитков, включая подчиненные ему отряды полковника Казагранди, есаула Кайдородова, атамана Казанцева и другие белопартизанские группы, — выступили в конце мая. С этими ничтожными силами барон бросил вызов огромному государству, режиму, одержавшему победу в Гражданской войне: тотальное превосходство красных его, искавшего подвига и смерти, смущало меньше всего. Унгерн рассчитывал поднять антибольшевистские восстания на Алтае, в верховьях Енисея, в Иркутской губернии, в Забайкалье, надеясь на помощь атамана Семёнова и японской императорской армии.

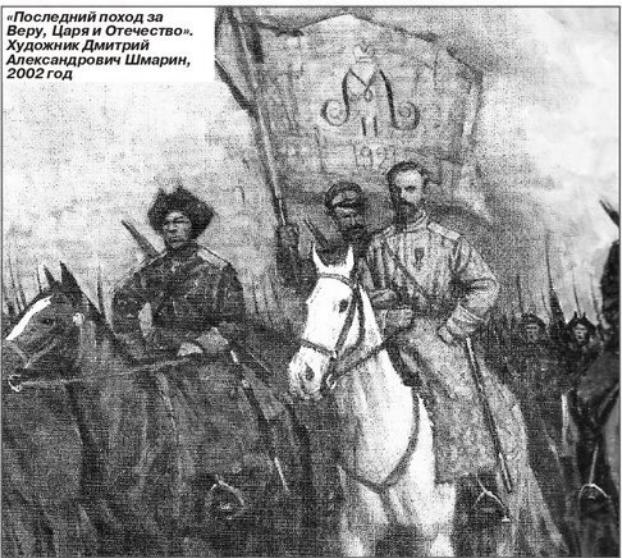
В августе 1921 года В. И. Ленин в особом послании отметил, что в виновности контрреволюционера и японского шпиона Унгерна нет сомнений. Ленин потребовал провести публичный суд над Унгерном «с максимальной скоростью и расстрелять», что и было сделано в сентябре того же года.

Семёнов и японцы никакой поддержки наступившим не оказали. Красная армия вместе с революционными монгольскими частями заняла Ургу и другие важные пункты на территории Халхи, нанесла тяжёлый удар по вторгшимся в Россию отрядам белых. Убедившись в беспроспективности борьбы в Прибайкалье, барон вернулся в Монголию.

Но и здесь почва из-под ног «Цаган-Бурхана» уходит: он понимает, что скучные ресурсы страны не позволят ему сколько-нибудь долго сражаться с большевиками. Унгерн решает уйти в Тибет и вместе со своим войском поступить на службу к Далай-Ламе. Для него Тибет был хранилищем священного знания, где-то там располагалась легендарная Шамбала, «подземное королевство» Агари — страна древних магов, из глубины своих пещер правивших миром. Унгерн ощущал себя орудием их вселенской воли. Однако замысел барона осуществлен не был.

Унгерн в последний год своей жизни открыто декларировал, что его миссия — восстановление империи Чингисхана. Именно по этой причине летом 1921 году он отправился в свой сибирский поход, свой последний рейд. За несколько месяцев до похода он рассказывал, что предчувствует свою скорую смерть и чуть ли не называл точное время. Означает ли это, что Унгерн собирался вос-

«Последний поход за Веру, Царя и Отечество». Художник Дмитрий Александрович Шмарин, 2002 год

становить империю Чингисхана за fantasticalnyy korotkiy srok? Ili eto byla prosto deklaratsiya, a sam baron videl svoe prednaznachenie v gibeli pri vo-ploshchenii nevrealiizemoy ambiitsii?

V pismye odnomu kitajskomu generalu Ungeru pisal: «Seychasy dumat o voestavlenii tsarev v Evrope nemyslimo... Poka vozmozhno tolko nachat voestavlenie Sredinnoy Tsarskoy i narodov, soprikrasayushchix s nym do Kaspiyskogo morja, i togda tolko nachat voestavlenie Rossiyskoy monarkhi... Lichno mine nchego ne nado. Ja rad umeret za voestavlenie monarkhi khoty bi i ne sovremennoy gosudarstva, a drugoto».

Uznav o ego namerejakh, gruppa oficerov Aziatskoy divizii sostavila zagravok. Blizkaiyshiy pomoshchik Ungera, generall Rezuhin, byl ubit, Ungeru udaloso stapsitsya, no vlast nad svomimi polkami baron utratil. Vozglavivshiye ih zagrovshiki dvinulisi na vostok, v Manzjukiru, Ungeru же отправился v Mongolskyy divizion, edinstvennoye podzadelenie, na predannost' kotorogo ete mozhno bylo raschitivat'. No mongolye ego obezoruzhili i svyazali, oddali svomeyu «Cagan-Burxanu» poklyoni i ostavili v yorte, a sami umchali v stely.

22 avgusta sviazannyy barona obnaruzhil krassyy razlyezd. Konnye razvedchiki dostavili Ungerina v shtab sovetskogo Ekspeditsionnogo korpusa. Zatem ego perepravili v Verhneudinsk, ottuda — v

Irkutsk, iz Irkutska on popal v stolitsu Sibiri — Novonikolaevsk. Zdesiye pri ogromnom stetchenii publikyi 15 sentyabrya sostoyalii sud. Baron byl priiznan vinnovnym po vsim punktam obvinenija i prigotovren k smerti. Vecherom того же dnya strelkovyy vyzvod prived priygorov v ispolnenie.

Troitskiy, kotoryy voglavляyl Pevevoen-sovet, хотел провести sud v Moskve, na glazakh «vsekh trudzhixsya». Odнакo «kras-nyy sibiryaki» ugovorili svoix «starixh brat'yev» provesti tribyun v Novonikolaevske. Ostaetsya tainyy, pochemu Troitskiy i Lenjin tak lekko otkazaliy sej zhelaniy pokazat' «shou» s «krovavym baronom» na «bol'shom moskovskom ekran'e».

...Fon Unger-Šternberg stal heroyem ili antigerom seton, efi ne tysach, proizvedenij: ot stikhotochnykh ballad i romansov do kino-fil'mov i teatralnykh pleyes, od filosofiskix esse i akademicheskix issledovanij do legkomyslennykh gazetnykh zametok i somnitelnykh memoarov. V poslednee vremya pojaviliyse dache kompyuterynye igry, odnim iz glavnnykh heroev kotoroye yavlyayetsya baron Unger. Samyye razlichnye literatory — ot Ossendovskogo, Nesmelenova i Haidoka do Markova, Budsa, Yuzebovicha i Pelle-vina — obrazchali k obrazu «daurskogo krestonoasca». No vse, cto o n'ey напisano, yavlyayetsya, podobno veruashke aysberg-a, lishi chastyu Ungerinany. To, cto perom ne ssvachenno, sostavlyet ne menee

znauchitelnyy ee plast, popolnyemny novymi i novymi mifami.

Figura barona interessa ne stol'ko ne real'nym planam vospozdaniya imperiya Chingisxana, pozaipd i очищения Rossii ot bol'shevikkov, skol'ko samoy lichnosti' barona. Ego vzygday i sud'ba — yarykij primer napryazhennykh duhovskix isskany i pertrubacij russkoy intellektuacii predrevoljucionnogo vremeni. Intellektuacii, kotoraya horoшo chuvstvovala neobratimost' i zhukuyu sushchestvu nadvigauschixsya peremey, no ne mogla понять ikharakteru, uslyshat' sebe ikh mehanizma. V etom smysle iznachalno «vybroschennyy» iz real'noy zhizni eshde do revoljucii baron Unger, kak i mnogestvo ikh sostulivshikov i potencinalnykh edinomyslennikov, každyj po-svoemu, i vse v odinochku, sledili попыtavt' protivopostavit' chto-to nadvigauschemu neizvestnemu yarstu krasknyx.

...Obaron pemnity i v Evrope, i v Azii. On vs'e eshde skryvayetsya v ee beskrainix prostorakh. Letom — v raskalenix vetrakh, zimoy — v kolicheskix buranakh, pronestiysa nad putystyni Gobi figura ispolinika, zakovanika v broniu vscadnika s voronom na kon'e...

Poслie izvestii o kazni barona pravitele Monholii Bodo-gzgn otzval prikaz provesti sluzhby po Ungeru vseh monhol'skix kramakh. Pravda, ne vse verili, cto baron pogib. Naprimer, mnogie mestnye budzidskie lamy prymo poteshaliysa nad izvestiem o rasstrele: raze mozhno ubity Maxakalu obychnoy pul'y?

Tak, hodili sluchi, cto krasknye poj-mali sovsom drugogo, poхожego na fon Ungera-Šternberga, cheloveka, a sam osvoboditel Monholii uшел v один iz tibetiskix monastir'e, gde meditiruet i chitaet tak nazываемu tainyyu mantru, vedushchuyu k nirvane.

A nekotorye govorili, cto Unger na-shel put' v tainstvennuu stranu Agarti i uzel tudy s samymi predannymi sotrudnikami — na sluzhbu k «tsario mira». Nal-stupit den', kogda zlo okonchitelno vo-zaistrit v mire, i v etot moment na scenu vydiet konnaya divizia Romana fon Ungera-Šternberga, cto hantsey smert'nyy udar sila zl'a.

Kstat, den' smerti Ungera proanaliziroval i astrolog. Tak vot — na 15 sentyabrya 1921 goda, soglasno gorskopu barona, v tak nazываемom «domu smerti» soedinilis сразу чetyre planety: Merkuriy, Юпитер, Saturn i «prizrak» Raxu. Vse eto ukazyvalo, po mnjeniu zvezdocheta, cto fon Unger-Šternberg все-taki pokinul etot mir imenno v tot moment. Pravda, torga же v «dome vragov» soedinilis Solntse i Mars, glavnaya planeta v gorskope barona. Esto kombinacija govorila, cto Romam Unger ne passivno priynal smert', a, skoree vsego, pogib v boju. No raze mozhno doverять astrologam?

